

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ МОНОЛОГ?

В настоящее время на всех уровнях культуры происходят глубинные процессы изменений, которые столь существенны, что позволяют говорить о трансформации культуры. Суть ее заключается в переходе от системы локальных культур к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура».

Локальность¹ культур базировалась на том, что последние выступали как достаточно замкнутые семиотические системы, а значит, были изначально относительно «закрытыми» друг для друга. Локальная культура как семиотическая система представляла собой систему закодированных знаков, значений и смыслов. Смыслы культуры несли на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Для представителя другой культуры эти коды и смыслы могут показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры — естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Таким образом, познание культуры есть процесс расшифровки ее закодированных смыслов. В качестве центральной системы этих закодированных смыслов выступает текст. Иначе говоря, в определенном смысле мы можем говорить о культуре прежде всего как о тексте, который, как отмечал Ю. М. Лотман, «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов»². Инструментом кодирования памяти культуры и создания систем текстов выступает живой язык, включающий в себя историю своего создания и функционирования. «Язык — это код плюс его история»³, как кратко и ёмко формулирует это Ю. М. Лотман.

Если мы будем создавать систему на базе некоего искусственного языка (а такие попытки в истории культуры были), то она не сможет функционировать как система, основанная на живом языке, ибо не будет иметь

собственной истории. Это может быть удобным для решения некоторых прикладных задач, ибо в такой системе можно добиться однозначности смыслов и значений, употребляемых понятий. Соответственно то, что мы называем памятью, или культурной памятью, здесь задано искусственным и конечным образом. Но фактически такая искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден.

В противоположность этому познание культуры как системы живого языка связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Не случайно необходимость наиболее полного языкового понимания требует погружения в другую культуру.

На основании вышесказанного понятно, что система коммуникации, сопряженная с используемыми и быстро развивающимися технологиями, способна значительно повлиять на функционирование живого языка, во многом определяя смысловые границы конкретной культуры и выступая на определенной стадии фактором разрушения границ между культурами.

Так, например, культура устного периода замыкалась рамками общения внутри племени, очень редко выходила за узкие языковые рамки, фактически не могла распространяться в этой коммуникационной системе. Письменная культура расширяет масштабы коммуникации, хотя по сути она оставалась все той же устной культурой, лишь зафиксированной в виде рукописей.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, что приводит к возможности значительного расширения пространства коммуникации посредством совершенно новых возможностей распространения текстов. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения. Однако культура и здесь остается достаточно замкнутой пределами национального языка. Более того, именно в этот момент происходит культурная фиксация языка, обеспечивающая национальную замкнутость. «Книгопечатание превратило национальные языки в средства массовой коммуникации, в замкнутые системы и тем самым создало современный национализм как централизующую силу»⁴. Таким образом, локальность как семиотическая характеристика становится доминирующим признаком всего периода культуры, в котором доминируют устная и печатная формы фиксации информации и смыслов.

Смысл культуры, зафиксированный в ее системе ценностей и стереотипов, проявлялся и в том, что для человека, находящегося внутри нее, конкретная культура представляла собой застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было почти

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор научных публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры»; «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.), «Онтология и теория познания» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти (учебно-методическое пособие для госслужащих)» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Логика», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. Философия), член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II и I степени.

² Лотман. Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. С. 293.

невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого смыслового пространства, обозначаемого Ю. М. Лотманом как семиосфера (по аналогии с биосферой), в котором роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования¹. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. Парадокс такого диалога заключался в том, что его ценность «оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непесекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»².

Современные изменения, основанные на крупнейших технологических открытиях в области коммуникации, приводят к становлению глобального коммуникационного пространства, которое существенно влияет на функционирование и взаимодействие культур и на диалог между ними. Изменения на всех уровнях культур и диалога культур столь существенны, что позволяют нам говорить о «трансформации культуры».

Понятие трансформации фиксирует момент размытия границ локальных культур и их втягивание (на определенных условиях) в некое глобальное коммуникационное пространство. Но для того чтобы столь разнородные системы культур «втянуть» в такое единое образование, необходим некий новый механизм общения между культурами, который избавляет нас от кодов, необходимости понимать и расшифровывать смыслы другой культуры и т. д. Таким образом, трансформация выступает как направленный процесс внутреннего изменения системы, который реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Это аналогично процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению феноти-

па. Своеобразным условием инфицирования культуры выступает становящееся глобальным коммуникационное пространство. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами»³. И опять же по аналогии, наибольший эффект достигается в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования.

Под воздействием процесса глобализации происходит трансформация культуры, то есть разрушение культуры как системы разнородных локальных культур и становление глобальной культуры с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур. Когда для обозначения этих процессов используют термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. С одной стороны, благодаря новейшим технологическим возможностям коммуникации практически безгранично расширяется диалоговое пространство культур. С другой стороны, значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур.

Современная система массмедиа трансформирует коммуникацию из состояния некоего фона, фиксирующего события, в своеобразный стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Например, событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция, даже при отсутствии реального факта как такового.

Культура начинает функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства.

Разрушается система так называемых культурных дихотомий или оппозиций, которые выступали своеобразными стержнями классической культуры. Например, разрушается дихотомия «прикровенность–откровенность». То, что раньше в рамках культурной традиции считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах выходят за рамки индивидуальной интимности, происходит деформация в сторону «эротизации культуры» как проявления высшей свободы выбора индивидуального удовольствия.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

³ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации и имитации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространиться в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению псевдокультурного поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты. Кстати, именно этот фактор проявляется и в попытках выработать некоторые глобальные критерии, например научной деятельности, в виде преимущественного цитирования на английском языке, что может выступить долгосрочным фактором, разрушающим национальную культуру.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. В этих условиях возникает феномен поп-культуры как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. Творчество здесь часто подменяется симуляцией такового и направлено на создание псевдообразов, симулякров. Имитация не просто выступает временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место этой реальности в сознании общества и человека. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителем продуктов которой становится все общество.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает на все уровни общественного сознания.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение

общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями.

Условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают их представить в соответствующей яркой форме.

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества. Проявления этого можно найти и в науке, в виде нарастания имитации научного творчества, фальсификаций научных открытий, скандалов и сенсаций. Это проявляется в философии, ибо последняя является самосознанием культуры, а значит, ее содержание не может быть оторванным от конкретной стадии развития культуры. Проявлением этого становятся популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание») и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсона или философии доктора Хауса². Постмодерн в культуре закрепляет такие имитирующие формы философии.

И наконец, на чем я хотел бы поставить акцент: сегодня происходит деформация системы права, точнее соотношения национальной и международной системы права. Национальная система права, отражая специфику собственной культуры, одновременно исторически выстраивалась на фундаменте римской, англосаксонской и немецко-австрийской моделей. Однако последние не навязывались национальной культуре, а, напротив, интегрировались с ней, представляя некий синтез данных моделей и национальных особенностей права. Долгий период международное право представляло собой фактически результат договоренностей между соответствующими субъектами права. Тем не менее даже в этой «мягкой» форме общности часто правовые нормативы и параметры могли значительно расходиться с правовой практикой, реализующейся в той или иной культуре. В конкретной культуре если не доминировала, то была всегда значительной частью права, связанная с развитием индивида, особенности которого как личности сформированы данной культурой и соответствующей, выработанной столетиями системой духовных ценностей. Это было необходимо хотя бы для того, чтобы предписываемые к исполнению законы были понятны человеку, который родился и живет в этой конкретной культуре. Именно отсюда возни-

¹ См.: Раишкoff Д. Указ. соч. С. 15.

² См.: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

кают и принципы «естественного» права, и понимание того, что в ином государстве или иной культуре законы могут быть иные. Человек принимал как данное тот факт, что в иной культуре он должен был вести себя по-другому. Именно эти факторы лежали в основе фундамента права, обоснование которого до сих пор является одной из самых трудных задач, не только практических, но и теоретических.

Современные модели некоего общего международного права, типа, например, попыток создать единую европейскую конституцию, базируются, как правило, на системе права какой-то отдельной страны, которая определяется в качестве «цивилизационного лидера». Понятно, что главным цивилизационным лидером объявляются США, поэтому, когда сегодня европейцы с гордостью говорят о том, что они европейцы, они должны понимать, что через определенное время им всем (от итальянца до норвежца) придется называть себя американцами. В этом смысле американская модель права выполняет, используя уже приводимую мною метафору, своеобразную роль культурного вируса, которая изнутри, через введение системы правовых норм, превращает конкретную культуру в иную. Деформация системы права, может быть, один из важнейших факторов трансформации современной культуры.

Основанием для данных процессов является становление транснационального рынка, в который так или иначе втянуты все страны, и это очень удобно для функционирования экономического механизма. Мир становится в этом смысле единым с точки зрения удобства управления такой глобальной экономической системой, но это вовсе не обязательно предписывает симметричное единство и самих культур. Тем не менее это происходит, и происходит не само по себе, а в результате активного «давления» стран-лидеров. Абсолютизируется позитивный характер экономической интеграции, на основании чего отказывается в самобытности национальных приоритетов государств и культур, которые должны раствориться в суперглобальной системе. Причем в рамках такого подхода сразу определяются победители, то есть те страны, которым повезло и они успели войти в вагон стремительно уходящего состава глобализации, и проигравшие, которые остались и будут вынуждены выполнять в новом мировом порядке лишь вспомогательную роль. «Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан»¹.

Именно из этой установки вытекает усиливающаяся в последнее десятилетие политика оправдания вмешательства в суверенные дела стран со стороны «победителей» в этом процессе, и прежде всего США. В то же время мы далеки от мысли так называемых «скептиков», ко-

торые считают, что, напротив, в новых условиях никакое единое мировое правительство, контролирующее ход общих процессов глобализации, невозможно, а значит, процессы глобализации не столько объединяют мир, сколько усиливают имеющиеся противоречия, порождая глобальное неравенство и усиливая дезинтегративные процессы, то есть в конечном счете делая тот же вывод, что и оптимисты, о глобальном отделении друг от друга стран.

Изначально международное право возникло как некая вынужденная и исключительная мера правового регулирования, позволяющая дать правовую оценку событиям и индивидам, которые могли формально и не нарушать норм права собственной страны, однако сама эта страна признавалась существующей вне правового пространства или принятых большинством стран норм права. Эти процессы начались после Первой мировой войны, но наиболее ярким примером реализации такого права был Нюрнбергский процесс. На данном этапе, тем не менее, международное право не вмешивалось в дела других государств и выступало в качестве своеобразного геополитического правового регулятора. Принципы международного права базировались, как правило, на международных соглашениях между странами, что являлось средством их легитимации. Сегодня происходит резкое расширение правовых источников международного права, в том числе и благодаря тому, что выделяется группа «цивилизованных стран», которые могут доминировать за счет этого статуса в области международного права. Соответственно эти страны навязывают ту модель права, которая исторически сложилась в данной стране. «Международное право признает дееспособность и принуждение, права и обязанности, которые в ряде важных аспектов ограничивают принцип государственного суверенитета; суверенитет *per se* — сам по себе — не является больше гарантией международной легитимности»².

Легитимность подобной трактовки международного права вызывает некоторые сомнения, ибо часто основывается либо на чисто теоретической модели, никак не скорректированной на данную культуру, данное государство, либо просто в ранг международного права вводятся принципы локального государства, претендующего на роль наиболее цивилизованного. Таким образом, речь идет о конструировании модели глобального или даже международного космополитического права, накладывающего ограничения на самые разные государства и правителей, независимо от тех условий, в которых возникло и развивается то или иное государство. «Возникли новые правовые структуры, созданные для того, чтобы сократить и ограничить государственный суверенитет, и разработан ряд основных норм и ценностей, которыми должны руководствоваться все страны во время войны и во время мира... Конечно, основные положения этого права признаются далеко не всеми, но само его существование указывает на развитие поствестфальского порядка — новой глобальной политики, закладывающей новую юридическую основу для налаживания и регулирования отношений между политическими сообществами»³.

¹ Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М. : Праксис, 2004. С. 5.

² Глобальные трансформации. С. 76.

³ Там же. С. 87.

Совершенно ясно, что такой геополитический диктат, который является не результатом договоренностей, а скорее навязыванием модели, устраивающей группу стран-лидеров, лежит вне прозрачного правового пространства и ждет своей правовой оценки. Более того, сторонники такой модели не понимают, что они открывают ящик Пандоры, ибо провоцируют по аналогии создание иной глобальной модели права, в основе которой могут лежать совершенно иные правовые принципы и нормы.

Даже в европейских странах это вызывает справедливое чувство протеста, причем со стороны профессиональных юристов. Можно показать это на примере правовых трансформаций, которые происходят сегодня в Европейском Союзе и которые неоднозначно оцениваются правоведами многих европейских стран. Государства, вступившие в ЕС, вынуждены значительным образом корректировать собственную национальную систему права, причем легитимность этих действий весьма неопределенна. Некоторые правоведа и философы права в связи с этим даже говорят о кризисе самого понятия конституционализма. Дело в том, что конституция любой страны базируется на двух основных идеях: разделение властей и основные права. Эта модель неотделима от национального характера государства. Однако сегодня, в связи с процессами глобализации, происходит новый процесс конституализации международного права как первичного по отношению к национальному. Как отметил в своем выступлении на конференции по современному конституционализму председатель Конституционного Суда Австрии Герхард Холцингер, «под этим имеется в виду растущее ограничение государств вышестоящими обязательными правовыми принципами (*ius cogens*), которые основываются на элементах национального конституционализма, то есть на “общих конституционных преданиях” государств. К этим принципам относятся прежде всего права человека»¹. Пока проект единой конституции для Европы потерпел неудачу, но сами действующие договоры фактически идут именно в направлении единой конституции, так как декларируется примат союзного права перед государственным.

Это уже создало массу проблем правоприменимости. «Право Союза, независимое от национального правового порядка, способно придавать отдельному гражданину права и накладывать на него обязанности. В этом своем свойстве оно должно применяться национальными ведомствами именно в этом качестве. И это так называемое *self-executing*-действие, таким образом, полностью независимо от национального права. Оно наступает, не нуждаясь в конкретизации в национальном праве»².

Деформируется принцип демократичности принятия решения, ибо фактически оно исходит из решений бюрократических органов ЕС. «Демократический принцип затронут в том смысле, что действия Союза не зависят только от воли австрийского народа, более того, могут наступать без или вопреки воле Ав-

стрии и, тем не менее, иметь свои последствия и для Австрии — с преимуществом перед национальным правом»³.

Такое вмешательство не только в суверенитет других стран в качестве государственной системы, но и в культуру как таковую необходимо вызывает и будет вызывать протесты. Таким образом, если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной — процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции»⁴, которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека, связанные с процессом потери собственной идентичности.

Одним из следствий глобальной интеграции может стать реализация системного тоталитаризма нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции над сознанием как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства, которую ряд авторов обозначают как «глобальную империю»⁵.

В этих условиях возрастает значение философского анализа культуры, так как философия, как отмечает В. С. Степин, «воспроизводит доминирующие смыслы культуры»⁶, а значит, осмысление как философская рефлексия над процессами трансформации современной культуры является важнейшей задачей философии. Такого рода исследования культуры должны носить не поверхностный «культурологический» характер, в рамках которого исследователи часто идут по пути интерпретации разнообразных, вновь возникающих культурных феноменов, не выходящих за рамки самих этих феноменов, а представлять собой философское размышление над глубинными процессами, которые происходят в современной культуре. Именно философия, с одной стороны, задает общие культурные традиции, выступая фактором сохранения и стабильности культуры, а с другой — всегда стремится «выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смыслы категории, которые адресованы не настоящему, а будущему»⁷.

Этот «философский» выход за рамки устоявшихся традиций особенно важен в так называемые кризисные эпохи, «когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая “категориальная модель мира” перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности»⁸. Представляется, что мы сегодня, безусловно, переживаем такой кризисный этап развития культуры.

В связи с этим философия сегодня может выступать формой наиболее общей и фундаментальной гуманитарной экспертизы, выполняющей прогностические функции, сопряженные с реализацией функции предупреждения о тех или иных опасностях, которые сопровождают развитие цивилизации.

³ Холцингер Г. Указ. соч.

⁴ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

⁵ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

⁶ Человек, наука, цивилизация. М., 2004. С. 63.

⁷ Там же.

⁸ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 209.

¹ См.: Холцингер Г. Конституционное государство в Европейском Союзе // Современный конституционализм: вызовы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14 ноября 2013 г. СПб., 2013.

² Там же.